

Цѣна отд. № — 15 коп.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 3

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

20 ЮНЯ.

На годъ — 6 руб. 50 коп.; на полгода — 3 руб. 25 коп.; на три мѣсяца — 1 руб. 75 коп.; на 1 мѣсяць — 60 коп.

Цѣна объявленій за строку нонпарели 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Рис. Ре-ми.

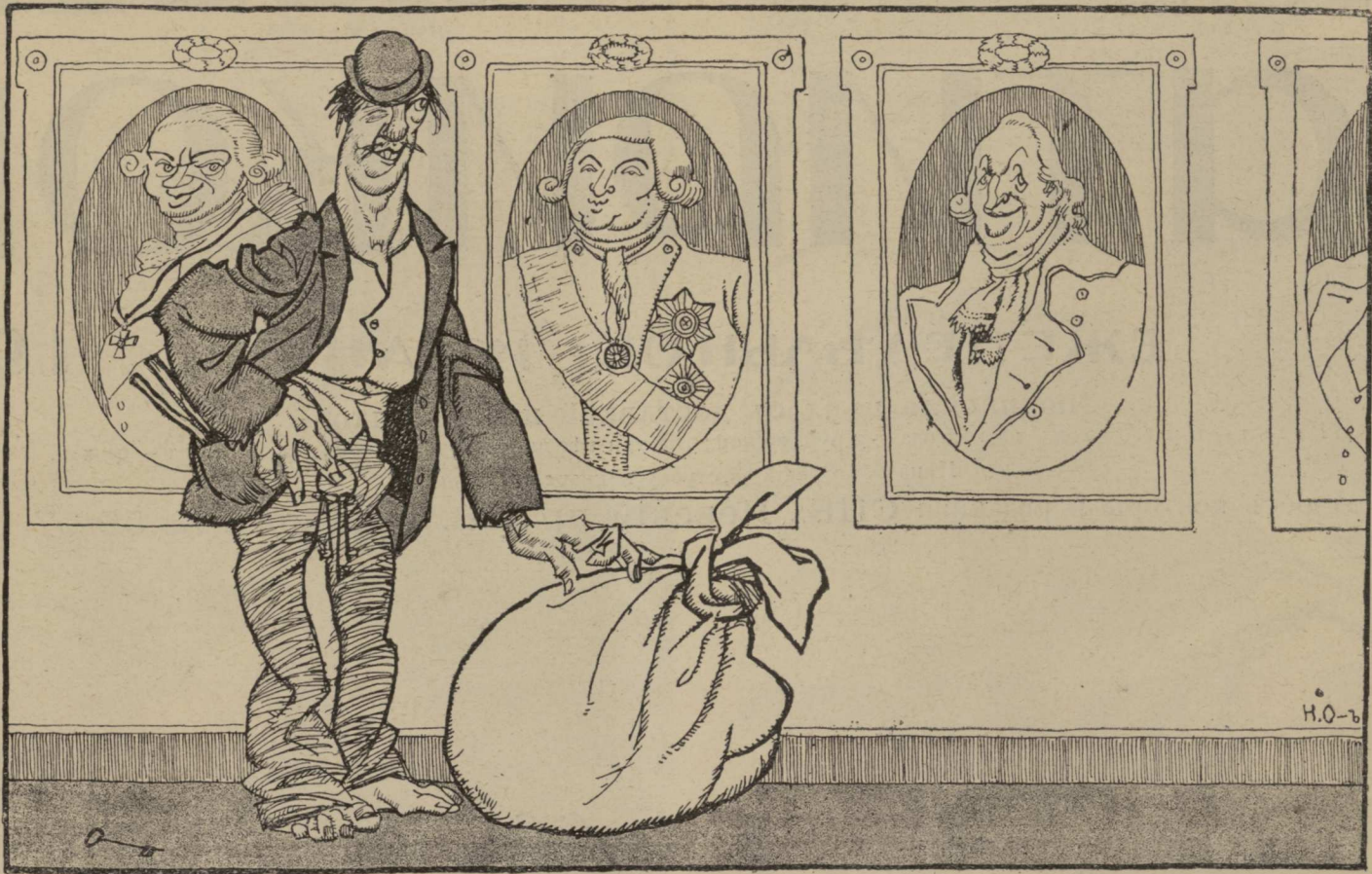

Соціальныя условія теперь таковы, что тѣ, кто
хочетъ и можетъ имѣть дѣтей,—имѣть ихъ не могутъ.
Увы! дѣтей теперь могутъ имѣть только тѣ, у кого
есть положеніе въ свѣтѣ.

Изъ рѣчи д-а Н., сказанной на пироговскомъ съѣздѣ.

Амуръ: — Милый аистъ! Очень прошу тебя... Возьми вотъ того крѣпыша, что сидитъ налѣво.
Его такъ хочетъ имѣть одна влюбленная молодая пара.

Аистъ: — Отстань! сейчасъ одинъ статскій совѣтникъ только что женился. Надо же старика
порадовать за хорошее поведеніе. Ну-ка, передай мнѣ вонъ того, хиленькаго.

ФИЛОСОФЪ.

Грабитель (забравшийся въ портретную галерею замка): — Вотъ разница между мною и аристократами: ихъ предковъ повѣсили всѣхъ въ одномъ мѣстѣ, а моихъ предковъ вѣшали въ разныхъ мѣстахъ.

ПОСТОВОЙ И МѢСЯЦЪ.

(Басня).

Сказали мнѣ: — Открой, какое
Различье жить межъ мѣсяцемъ ночнымъ
И постовымъ,
Блюдушимъ насъ въ порядкѣ и покоѣ?
И я отвѣтствовалъ, раскинувши мозгомъ:
— Вопросъ донинѣ не рѣшенъ былъ мудрецомъ,
Но грѣшный азъ сіе творить дерзаю...
Итакъ, не токмо разницу я знаю
И въ этомъ, и въ другомъ,
Но вѣдаю и сходство, —
Зане предъ вами мысли превосходство
Отъ колыбели мнѣ дано!
Когда округъ темно,
То всякъ изъ васъ легко примѣтитъ,
Что мѣсяцъ свѣтитъ,
Свѣтитъ же постовому не дано;
Что мѣсяцъ свѣтитъ, но не грѣетъ,
Межъ тѣмъ, какъ постовой
Всегда лишь грѣетъ, а не свѣтитъ (смыслъ простой, —
Его же и осель уразумѣть!).
Но надобно и то установить,
Что ежели постовой впадетъ въ разстройство духа,
То можетъ даже онъ нежданно засвѣтить...

Въ ухо...

Ив. Прутковъ.

СЕНСАЦИ И НЕДОУМѢНІЯ ГАНСА КУРЦБЕЙНА,
ПОСѢТИВШАГО ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1913 ГОДУ.

Гансъ Курцбейнъ (при помощи „Русско-нѣмецкихъ разговоровъ“). — Господинъ сторожъ, какіе гадкіе злодѣи имѣютъ свои камеры въ этомъ корпусѣ сей замѣчательной тюрьмы
Сторожъ. — Ледахтора.
Гансъ Курцбейнъ. — Да, благодарю васъ, но я любопытенъ знать, какіе преступники.
Сторожъ. — Ледахтора.
Гансъ Курцбейнъ (перечитывая словарь). — Ледъ... ледашій... ледоходъ... ледяной... ледышка... но въ моемъ словарѣ нѣтъ этого слова. Это убійцы?
Сторожъ. — Обнакновенно, ледахтора... газетные ледахтора... писатели...
Гансъ Курцбейнъ. — Я ничего не могу понимать!..

* * *

Гансъ Курцбейнъ. — Извозчикъ, хотите возить меня къ Донону?
Извозчикъ. — Къ которому прикажете: къ старому, къ новому?
Гансъ Курцбейнъ. — Продавецъ газетъ и журналовъ, продайте мнѣ, пожалуйста, одинъ номеръ „Сатирикона“.
Газетчикъ. — Новый прикажете или старый?
Гансъ Курцбейнъ. — Кельнеръ, кружку свѣтлаго пива „Баварія“.
Лакей. — Новая Баварія или старая?
Гансъ Курцбейнъ. — Одинъ билетъ второй классъ до Петергофъ, пожалуйста.
Кассиръ. — До новаго Петергофа или до стараго?
Гансъ Курцбейнъ. — Я ничего не могу понимать... Господинъ гимназистъ, я хочу немного дышать воздухъ... куда можно ѣхать недалеко?
Гимназистъ. — Въ Новую деревню поѣзжайте, или въ Старую.

* * *

Гансъ Курцбейнъ. — Дайте мнѣ, пожалуйста, свѣжихъ яицъ, натурального молока и пчелинаго меду, а также нѣсколько свѣжаго масла безъ вредныхъ для здоровья примѣсей.

Метръ д'отель.—Простите, не могу вамъ сейчасъ этимъ служить. Всѣ перечисленные вами предметы находятся сейчасъ на Гигиенической выставкѣ въ Маломъ Петровскомъ паркѣ. По закрытіи выставки—сдѣлайте одолженіе.

* * *

Гансъ Курцбейнъ.—Почему этотъ чиновникъ такъ сердится на этого редактора?

—Потому что этотъ редакторъ напечаталъ про этого чиновника, что онъ человекъ просвѣщенный, гуманный и справедливый.

Гансъ Курцбейнъ.—А почему этотъ другой чиновникъ горячо жметъ руки этому редактору?

—Потому что онъ напечаталъ про этого чиновника, что онъ человекъ тупой, лишенный чувства гуманности и пристрастный.

Гансъ Курцбейнъ.—Я совсѣмъ ничего не могу понимать.

* * *

Гансъ Курцбейнъ.—Скажите, пожалуйста, гдѣ я могу въ Москвѣ поѣсть за свои деньги здоровую и сытную пищу?

—Въ Третьяковской галлерей.

Гансъ Курцбейнъ.—Благодарю васъ. А гдѣ я могу въ Москвѣ смотрѣться на картины русской школы живописи?

—Въ Третьяковской же галлерей.

Гансъ Курцбейнъ заноситъ въ свою записную книжку:

„Tretjakow'sche Gallerie — gute bürgerliche Küche... Russ. moderne und alte Meister“.

Влад. Азовъ.

ЛЮБОВНИЦА.

Обласкана розовой наготою,
Прозрачна, какъ лунный капризь,
Она стала какой-то святою,
И смушенъ полинялый маркизь...
На подзеркальникѣ помятыя перчатки,
Вуаль и пудреница... хрупкое эспри...
Въ синемъ зеркалѣ волшебныя загадки
Обнимаютъ двѣ больныхъ зари...
Заплетаются любовная газелла
И рифмуется съ тайной наготу,
А упругихъ, ищущихъ два тѣла
Иглы крови ловятъ налету...

„Принцесса... Вамъ ли родъ вести отъ касты
[Брема...]

Вечерняя... А я.—Я ангелъ зла...
Матово лицо отъ пудры и отъ крема,
И проборъ, какъ тонкая стрѣла...
Ласки мускуловъ такъ утомленно, страстны—
Такъ ажурны тонкіе носки...
Вы мечта... Вы съ мужемъ такъ несчастны,
Такъ загадочны, влюбленны и прекрасны,—
Я-жъ—пѣвецъ кра-сивѣйшей тоски...
Сердцу брошень ароматный вызовъ,
Сердце плачетъ въ тонѣ Ля-диезь...
Эстетизмъ глядитъ со всѣхъ карнизовъ...
Красота у шелковыхъ завѣсь...
Потомъ...
Дремлетъ въ дряблой, дебелий постели...
Шлепанье туфель прогонитъ любовные сны...
Перегаръ коньяка и начало большой канители
И кряхтенье... у ложа Весны...
Потныя руки склизко коснутся батиста...
Жирныя ноги кощунственно тронутъ бедро...
Храпъ... и спросонья—пять взятокъ по триста
Въ робкой лампадкѣ умереть „баллеро“...

Утро... Нечесаны... простоволосы...
Прѣстныи въ складкахъ... Заплеванный тазъ...
Тѣло жгутъ черныя пранныя осы,
Синія тѣни ютятся у глазъ...
Ничего... Упадутъ лепестки декораціи
(Не жаль догорѣвшихъ огней).
Приколовши подъ шляпку акаціи,
Она будетъ волшебницей въ кельѣ моей...

Сергій Михѣевъ.

Рис. М. Бобышова.

СОВѢТЪ ИЗБРАВШИМЪ ПОЛИТИЧЕСКУЮ
КАРЬЕРУ.

(Текстъ и рис. А. Р.)

Совѣтъ I.

Людымъ, кои вѣчно должны блюсти порядокъ и вѣчно недреманное око имѣть, тоже иногда не въ моготу бываетъ: Морфей ихъ очи смежаетъ.

Наступаетъ тогда беспорядокъ большой, ибо дѣти, видя недреманное око закрытымъ—шалостямъ предаваться начинаютъ.

Что въ такомъ случаѣ дѣлать? Какъ быть? Не спать—здоровью вредъ. Спать—дѣти балуются. Думаль, думаль одинъ Многодумъ, да и рѣшилъ—нарисовать глаза страшные, пре-страшные, прямо на очкахъ. Очень хорошо вышло, лучше и

не надо. И ребята не балуются и спать можно, и все удовольствіе 40 копѣекъ стоило, и глаза еще страшнѣе стали. Вотъ какъ можно умненько дѣла устроить.

Конечно, не надо только храпѣть, да со стула падать. А то догадаются.

А. Р.

УЗКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦІЯ.

Онъ: — Пассюшьте! Вы здѣсь что дѣлаете... танцуете?

Она: — Да, танцую. Но не вся.

Онъ: — ??!!!?...

Она: — Только танецъ живота...

ЦВѢТЫ ПОЛЫНИ.

— Ш *).

Въ одномъ городѣ былъ выбранъ въ судьи сумасшедшій.

Къ сожалѣнію, объ этомъ узнали слишкомъ поздно. Вотъ какъ это произошло:

Судилась дѣвушка, задушившая, а одновременно съ этимъ и утопившая своего внѣбрачнаго ребенка.}

На вопросъ судьи, что толкнуло ее на такой ужасный поступокъ, она отвѣтила:

— Я хотѣла скрыть свой позоръ.

— Но кто могъ внушить вамъ, дитя мое, такую безумную мысль? Развѣ дѣторожденіе — позорно?

— Да, — отвѣтила дѣвушка, — внѣ брака... По крайней мѣрѣ, я слышала объ этомъ съ малыхъ лѣтъ.

— Отъ кого?

— И отъ отца, и отъ матери...

Тогда судья всталъ и проговорилъ:

— Во имя справедливости приговариваю родителей этой несчастной — къ вѣчной каторгѣ!

IV.

Къ этому же судѣ были приведены четыре деревенскихъ парня, что совершили насиліе и звѣрски замучили встрѣченную ими въ лѣсу глухо-нѣмую нищенку. Они распластали ее на муравейникѣ, притянувъ къ колямъ.

На вопросъ судьи, что толкнуло ихъ на такой нечеловѣчскій поступокъ, они отвѣтили:

— Мы были пьяны.

Тогда судья всталъ и проговорилъ:

— Освободите потерпѣвшихъ!

Рис. Н. Альтмана.

VI.

Человѣкъ бросился въ рѣку, чтобы утонуть. Вся набережная хлынула къ нему на помощь. Закачались ялики, замелькали въ воздухѣ спасательные круги. Мгновеніе, — и передовая лодка уже почти коснулась утопавшаго.

Въ это время по набережной проходилъ судья. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ вырвалъ изъ мостовой тяжелый булыжникъ, кинулъ его и раздробилъ имъ черепъ полуспасеннаго.

— Зачѣмъ вы сдѣлали это? — спрашивали безумца, — чѣмъ руководствовались вы, совершая такое дикое, такое кошмарное убійство?

— Милосердіемъ, — отвѣтилъ онъ.

Василій Князевъ.

Ибо это происходило — въ Россіи.

*) См. „Новый Сатириконъ“ № 2.

Луна-паркъ.

До сихъ поръ никто не можетъ выяснить: на чемъ основанъ принципъ Луна-Парка?

Предположимъ, въ частной жизни кто нибудь сказалъ бы своему знакомому:

— Хочешь, я тебѣ доставлю удовольствіе? Ты сядешь на верхней ступенькѣ моей парадной лѣстницы, а я столкну тебя внизъ. Ты покатишься, стучаясь головой и боками о выступы ступенекъ, и, такимъ образомъ, мы обдѣлаемъ славное дѣльце.

Если даже этотъ знакомый ничего хорошаго на своемъ вѣку не видалъ и всю жизнь прожилъ безо всякихъ удовольствій, борясь съ самой жестокой нуждой—онъ все-таки отклонитъ ваше неприхотливое предложеніе...

Предположимъ, этотъ же знакомый пришелъ съ женой къ вамъ въ гости и, входя, заявилъ:

— Ну, и корридоръ же у васъ... Длинный, узкій и полутемный.

И подумавъ, вы ему предложите:

— Хотите, я для вашего удовольствія устрою корридоръ еще длиннѣе и, кромѣ того, онъ будетъ абсолютно темень. Полъ будетъ то подниматься на нѣсколько ступенекъ, то опускаться... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ будетъ подбрасывать васъ, дергаться подъ вашими ногами и метаться изъ стороны въ сторону. Въ извѣстномъ мѣстѣ изъ-подъ пола подуетъ вѣтеръ и онъ собьетъ съ васъ шляпу, а вашей женѣ подниметъ юбки, такъ, что видно будетъ все бѣлье. И внизу будутъ стоять нѣсколько сотъ постороннихъ людей, которые, задравъ носы, будутъ любоваться всѣмъ этимъ и хохотать.

Что отвѣтилъ бы вамъ вашъ знакомый на такое предложеніе?

Изругалъ бы на чемъ свѣтъ стоитъ, а, пожалуй, и приколотилъ бы.

Вотъ.

А что мы видимъ въ Луна-Паркѣ?

Публика приступомъ беретъ, платя кровныя деньги—какой нибудь „аттракціонъ“, который заключается въ томъ, что публику наваливаютъ въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ на громадный деревянный кругъ, послѣ чего кругъ начинаетъ вращаться, и публика отъ этого вращенія, какъ щепки, разлетается въ разныя стороны, расшибая руки, ноги, попадая губами на носокъ чьего нибудь пыльнаго сапога.

Танецъ живота.

Публика на-расхватъ покупаетъ билеты для входа въ „лабиринтъ“. Входить въ узкій темный корридоръ... Полъ трещитъ, прыгаетъ, проваливается подъ ногами, всюду какія-то ступеньки, закоулки, а въ извѣстномъ мѣстѣ, какъ разъ на открытомъ для взоровъ стоящей внизу публики пространствѣ—съ мужчинъ порывомъ вѣтра сбивается шляпа, а у женщинъ самымъ пикантнымъ и соблазнительнымъ образомъ поднимаются къверху юбки.

Уютно и весело.

Около „лабиринта“ красуется какой-то „вертящийся домикъ“. Не вамъ платятъ, а вы платите. И не вы заставляете, а васъ заставляютъ влѣзть въ этотъ домикъ, который потомъ начинаетъ вертѣться на горизонтальной оси.

Приступы морской болѣзни, ясно начертанные на лицѣ вашихъ сосѣдей, должны веселить въ васъ горделивое сознаніе исполненнаго долга. Придерживая у рта носовой платокъ, вы вылѣзаете изъ домика и бодро шагаете къ чертову колесу—укрѣпить свои расшатанные нервы.

Луна-Паркъ—большое фабричное предпріятіе съ электрической тягой, машинами и разными усовершенствованіями.

Но я убѣжденъ, что Луна-Паркъ можно устроить и дома безъ большихъ затратъ, кустарнымъ способомъ.

Надо ударомъ по головѣ ошеломить человѣка, свалить его на полъ, схватить за ногу и, протаскивъ нѣсколько саженой, скатить съ лѣстницы. Внизу догнать—наградить двумя-тремя пинками, завязать ему на ухо и сейчасъ же потребовать 1 р. 20 к.—за четыре „аттракціона“.

Дайте человѣку просто, бесплатно по физиономіи. Онъ обидится. Подниметъ скандалъ. Вызоветъ васъ на дуэль.

Объявите этому же человѣку, что за каждый ударъ съ вашей стороны по его физиономіи—онъ долженъ платить 30 копѣекъ, со включеніемъ сюда 2-хъ копѣекъ благотворительнаго налога на увеселенія—и этотъ человѣкъ придетъ, возьметъ сразу абонементную книжку—и можете бить его, сколько влѣзетъ.

— Вотъ,—скажетъ онъ,—какъ хорошо: весело, дешево и сердито... А—ну, теперь ты попробуй, Петръ Ивановичъ. Иди, не бойся! Совсѣмъ почти не больно.

Когда мы вышли изъ „лабиринта“, я сказалъ товарищу:

— Посмотри, какъ довольны всѣ, испробовавшіе этотъ лабиринтъ и вертящийся домикъ. Кто они такіе—эта публика? Я узнаю нѣкоторыхъ изъ нихъ—это театралы, любители литературы... Для нихъ мы пишемъ книги, драматурги сочиняютъ пьесы, а критика разбираетъ эти пьесы и книги, упрекая писателей и драматурговъ „за нѣкоторую неестественность фабулы“, „за напряженность мистическаго элемента“ и „за излишнюю жизнерадостность въ выборѣ темъ въ наше сѣрое нудное время“. Для кого же стараются эти критики, о чьихъ интересахъ они заботятся? Чью чистоту вкуса охраняютъ? Кому служатъ литургію красоты? Вотъ этому самому господину въ котелкѣ, который скатился сейчасъ съ „пьяной лѣстницы“ и, чтобы утѣшить себя, помчался на чертовое колесо. Видишь, какъ колесо шваркнуло его объ стѣну? Вонъ, видишь, онъ сбиль съ ногъ того господина съ просѣдью, котораго мы видѣли нынче въ Апрѣлѣ—на Перъ-Гюнтѣ...

Мой товарищъ сказалъ нѣсколько невпопадъ:

— Давай, еще раз пройдем по лабиринту...
Забавно! Хочешь? Не хочешь? Ну, пойдём посмотрим танец живота.

Смотрели „танец живота“.

Я сидѣлъ и думалъ:

— Если послѣ смерти этой женщины ее вскроютъ—
врачъ ничего не разберетъ. Такъ перепутаются у нея всѣ
кишки отъ этихъ чудовищныхъ тѣлодвиженій. „Эхъ,—
скажетъ врачъ, и закрутила же ты тутъ, женщина!“
Махнетъ рукой и снова зашьетъ бѣдную одалиску.

Ужинали мы тутъ же, въ кафешантанѣ.

Ничто не доставляетъ мнѣ такого удовольствія, какъ
выходъ русской шансонетной пѣвицы.

Она вылетаетъ на сцену какъ-то бокомъ на прямыхъ
негнущихся ногахъ, а пока оркестръ играетъ ритур-
нель—дѣлаетъ слѣдующее: взглянетъ въ потолокъ, по-
томъ большимъ пальцемъ руки поправить спустив-
шуюся съ плеча ленточку,

замѣняющую рукава, а
потомъ поглядитъ въ зри-
тельный залъ и кому-то
кивнетъ головой.

Кому? Тотъ столикъ,
которому она кивнула,
пустъ, но у нея есть свой
разсчетъ: подчеркнуть пу-
бликѣ, что гдѣ-то въ залѣ
у нея есть поклонникъ,
бросающій на нее тысячи,
и что она не такая ужъ
замухрышка, какъ нѣко-
торые думаютъ.

Поетъ она хладно-
кровно,—бережно сохра-
няя темпераментъ для
личной жизни.

Всѣ русскіе шансо-
нетные куплеты на одинъ

ладъ: или „мама ей скрипку по-
дарила, которую она берегла,
пока не явился музыкантъ“, или
она „хорошая наѣздница и,
поэтому, предпочитаетъ всему
хлыстъ“. Символы мѣняются:
вмѣсто хлыста, она прославля-
етъ аэропланъ, пишушую ма-
шину или массажъ.

Кто прослушаетъ десятокъ
русскихъ шансонетныхъ купле-
товъ—тотъ установитъ слѣдую-
щія излюбленныя незбылемыя
рифмы: „старикъ—парикъ“, „я—друзья“, „о, да—всегда“,
„разъ—экстазъ“ и „корнетъ—кабинетъ“.

Одна пѣвица, послѣ своего номера подошла къ намъ
и сказала:

— Угостили бы вы ужиномъ, а?

— По нѣкоторымъ причинамъ,—возразилъ я,—мы
съ товарищемъ не можемъ афишировать нашей съ
вами многолѣтней дружбы. Вмѣсто этого, послушайте,
какую я сочинилъ шансонетку...

И я запѣлъ:

Одинъ старикъ,
Надѣвъ парикъ,
Позвалъ меня вдругъ въ кабинетъ;
А тамъ сидѣлъ уже корнетъ!
Я въ этотъ разъ
Пришла въ экстазъ,
Клянусь въ томъ я,
Мои друзья,
Люблю корнетовъ лишь всегда,
Ихъ обожаю я, о, да!

— Неужели, сами сочинили?!—удивилась пѣвица...—
Какая прелесть! Можно переписать?

Юма Опискинъ.

— Можетъ, и сюда опустишь
монету?..

ЯРМАРКА ВЪ ПАРИЖѢ.

I.

Карусель съ быками.

Съ золотыми рогами
Бѣлые быки
Мчатся кругами,
Быстры, легки
То вверхъ, то внизъ,
По три в рядъ
Мотаются, качаются,
Летятъ.
Звенятъ
Звонки,
Мычатъ
Быки.
Крѣпче держись —
Не свались!
Гирлянды лампочекъ
Какъ колѣе брилліантовья
На шеѣ у карусели.
Сколько дамочекъ,
Глазки закатывая,
Въ рѣзвѣ веселья
Сидятъ на шеяхъ быковъ
Между роговъ!
Звонки звенятъ,
Быки мычатъ.
Крѣпче держись —
Не свались!
Узкія юбки,
Обнимая колѣни,
Обнажаютъ икры дамъ.
Сколько уступки,
Сколько лѣни,
Сколько хотѣній,
Горѣній, стремленій
Въ этихъ глазахъ, блудливыхъ, какъ я самъ!
О, Ярмарка Парижа,
Праздникъ его души,
Гори-же, свѣти-же
Пляши!

II. Потемкинъ.

Paris.

СПИЧКИ.

I.

„Яма счастья“ или „Ключи отъ ямы“.

Романъ Куприцкой въ 8-ми частяхъ съ прологомъ и эпилогомъ.

ПРОЛОГЪ.

Часть первая, глава первая.

Въ тяжеломъ сумракѣ тумана
За часъ до утренней Зари...“

А остальную часть романа
Пускай кончаетъ Амор!

II.

Батюшки.

„При обсужденіи законопроекта о госу-
дарственномъ страхованіи рабочихъ, депу-
таты-священники хранили гробовое мол-
чаніе; когда же поставили на очередь
вопросъ о нормировкѣ вознагражденій за
„требы“ и предложили „за погребеніе“
30 руб., депутаты-священники обрѣли даръ
слова и стойко выступили на защиту своихъ
интересовъ“.

(Изъ газетъ).

Что-жъ? Русь поборниковъ хотѣла, —
Пусть возликуетъ съ этихъ поръ.
Занѣ у тѣхъ, кто сталь у дѣла,
Девизъ на знамени: „поборъ“.

III.

Сила таланта.

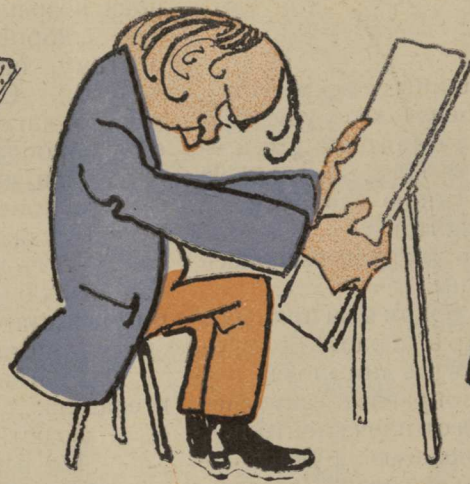
„Адамъ Дидуръ имѣлъ въ Петербургѣ
такой успѣхъ, что приглашенъ на слѣдую-
щій сезонъ“.

Басъ... Адамъ... и видный парень...
Спѣлъ изъ Гете два стиха...
Захотѣли сотни барыни.
Первороднаго грѣха:
Юныхъ дуръ и глупыхъ дамъ —
Покорилъ Дидуръ Адамъ.
Дамъ не глупыхъ и не дуръ
Покорилъ Адамъ Дидуръ.

Владиміръ Воиновъ.

1906 г.

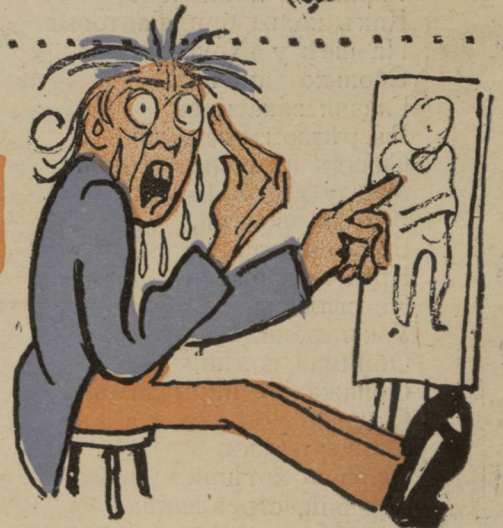
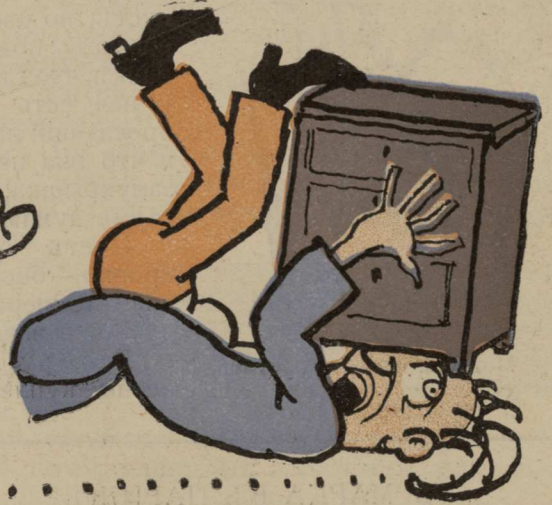
1910 г.

1912 г.

???

Вотъ какъ намъ, бѣднымъ Сатириконцамъ, теперь приходится ломать голову, чтобы выдумать интeресную и цензурную политическую карикатуру. Пожадьте!!!

ИЮННЯ ЭКСКУРСІЯ УЧИТЕЛЬНИЦЪ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

— Вотъ, господа, подлинная статуя Венеры работы Джироламо Чертозино, жившаго съ 1343 года по 1391 годъ. Статуя эта принадлежала герцогу Оссо-Буко, жившему съ 1352 года по 1430-й годъ, при разграбленіи его замка была взята савойцами, жившими съ 853 года по 1621 годъ, потомъ была утеряна и только въ 1821 году случайно обнаружена при ремонтѣ Понто-Веккіо лудильщикомъ Пеппо Фрито-Пикато...

Экскуртантка. — А, скажите, съ котораго и по который годъ жилъ этотъ... Пикато?

— Съ 1793 года по 1849 годъ.

— Одну минуточку... Я сейчасъ запишу.

МЕКСИКАНЕЦЪ.

На скамьѣ городского сада, освѣняемая прозрачной тѣнью липовыхъ листьевъ, сидѣла красивая женщина.

Проходя мимо, я повернулъ голову, увидѣлъ красавицу и остановился.

Вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ видъ, что внезапно смертельная усталость овладѣла мною. Еле дотащился до скамейки и усѣлся рядомъ съ красавицей.

Рѣшилъ: придерусь къ чему-нибудь, заговорю и познакомлюсь.

Ея чистый профиль кротко и нѣжно рисовался на зелени кустовъ. Полуопущенные глаза лѣниво скользили по носку маленькой туфли.

Я вобралъ въ себя какъ можно больше воздуха и сказалъ скороговоркой:

— Не понимаю я этихъ мексиканцевъ!.. Изъ-за чего, спрашивается, воюють, революціи устраиваютъ, свергаютъ старыхъ президентовъ, выбираютъ новыхъ. Кровь льется рѣкой—для чего все это? По моему, всякій гражданинъ имѣетъ право требовать для себя спокойной жизни. А? Какъ вы думаете?

Ея чистый, ничѣмъ не возмущенный взоръ заскользилъ по дорожкамъ.

Мы помолчали.

— И почти каждый день у нихъ рѣзня, которой „старожилы не запомнятъ“.

Она молчала.

— А что такое, въ сущности, старожилы? Старожилыми сразу не дѣлаются, не правда-ли? Старожилыми дѣлаются постепенно.

Ничто не измѣнилось въ лицѣ ея.

„Кремень“, — подумалъ я. — Ничѣмъ ее не расшевелишь“.

Поднявъ глаза къ небу, я сказалъ мечтательно:

— Гдѣ-то теперь моя дорогая мама? Что-то она дѣлаетъ сейчасъ? Вспоминаетъ-ли обо мнѣ? Вамъ сигара не помѣшаетъ?

Очевидно, у нея была привычка отвѣчать только на прямо, въ упоръ поставленные вопросы.

— Нѣтъ, — уронила она, снова замкнувъ свой розовый ротикъ.

— Мнѣ бы тоже не помѣшала хорошая сигара, да я, отправляясь сюда, забылъ купить. Что мнѣ дѣлать съ моей памятью, прямо-таки не знаю. Хоть плачь!.. Ей Богу. Скажите, это липа?

— Липа.

— Мегсі. Ботаника — моя страсть. Также и зоологія. Наука какъ-то... укрѣпляетъ, не правда-ли?

Казалось, она дремала.

— Что-то мнѣ изъ Москвы перестали писать, — пожаловался я. — Это ужасно, когда не пишутъ. Вы подумайте: три мѣсяца хоть бы слово! Ни-ни. Ни звука. Каково? Вы сами москвичка?

Она медленно, плавно, повернула ко мнѣ порозовѣвшее лицо.

— Послушайте!! Меня не то возмущаетъ въ васъ, что вы самымъ наглымъ образомъ заговариваете съ одинокой женщиной. Это обычное явленіе. Но то меня возмущаетъ, что вы возвели этотъ спортъ въ ежедневное обычное занятіе и, вѣроятно, сейчасъ же забываете объ объектахъ вашей разговорчивости. Что за гнусная небрежность! Неужели, вы забыли, что мы уже знакомы?! Три мѣсяца тому назадъ вы пристали ко мнѣ въ вагонѣ трамвая, и я была такъ малодушна, что познакомилась съ вами. Вы еще провожали меня... И теперь вы, выбросивъ все изъ головы, заводите эту отвратительную канитель снова?!

Я вскочилъ, почтительно обнажилъ голову и сказалъ:

— Я очень радъ, что и вы вспомнили меня... Признаться, я сейчасъ поступилъ такъ невѣжливо потому, что боялся...

— Чего? — спросила она мрачно.

— Что вы совершенно выкинули меня изъ головы. А что бы я забылъ?! Помилуйте, развѣ можно забыть эти чудныя мгновенія? Помню еще, какъ вы сидѣли въ вагонѣ съ правой стороны...

ГЕРОИЗМЪ ЖЕНЩИНЫ.

(Въ Альпійскихъ горахъ).

Рис. В. Лебедева.

Она: — Ахъ! Боже мой! Просила же я редактора не помѣщать насъ наверху страницы!.. Вотъ у мужа голова и закружилась... О, несчастный!.. (См. слѣд. стр.).

— Съ лѣвой.

— Ну, да — съ лѣвой стороны по ходу вагона и съ правой, если считать противъ хода. Вы еще были въ шляпѣ, вѣрно?

— Пожалуй...

— Ну, конечно. Еще, помните, кондукторъ, когда получалъ деньги, то кричалъ: „нѣтъ мѣстовъ, нѣтъ мѣстовъ“. Помню, еще далъ онъ намъ по билету — вамъ и мнѣ... Да... Вамъ и мнѣ.

Изсякнувъ, я обернулся къ ней и ждалъ ея реплики.

— Вотъ что, — сказала она, поднимаясь, забирая зонтикъ и книгу. — Хотя глупость и даръ боговъ, но, видно, къ вамъ боги отнеслись особенно внимательно, особенно щедро. Слушайте — вы! Ни въ какомъ трамваѣ мы съ вами не знакомились — я васъ вижу впервые въ жизни. Я только хотѣла встрѣчи, мимолетныя знакомства и интрижки. Оказывается, у васъ ихъ такъ много (цѣлая фабрика!), что вы уже объ отдѣльныхъ людяхъ и не помните. Какой позоръ! Я уйду, а вы пока посидите тутъ, пораздумайте о нелѣпой судьбѣ Мексики, а также и о своей судьбѣ — еще болѣе нелѣпой. Прощайте, мексиканецъ!

Она ушла...

Я посидѣлъ еще немного, потомъ всталъ, засвисталъ и побрелъ къ слѣдующей скамейкѣ, на которой сидѣла дама въ черной шляпѣ.

Устало опустился на скамейку и сказалъ:

— Есть люди, которые до сихъ поръ вѣрятъ въ окултныя науки. Я этого увлеченія не раздѣляю. Конечно, вы мнѣ возразите, что присутствіе тайныхъ силъ въ природѣ отрицать нельзя. Однако, спрошу я васъ, почему медиумы попадались въ цѣломъ рядѣ мошенничествъ? Если такая сила существуетъ — для чего это нужно? Конечно, вы мнѣ отвѣтите, что...

Аркадій Аверченко.

СТАРАЯ ЗАГАДКА НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

Что это такое:

„Синяя синичка весь свѣтъ одѣла въ сѣрые халаты?“

ДОБРЫЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

(Изъ провинц. хроники).

„...Пол-города собралось проводить Его Пр-ство, и всѣ провожающіе получили отъ него по портрету“.

В. Кн.

Она:—Ахъ, позвольте... Я придумала, какъ спасти моего дорогого мужа. Жоржъ, вы должны помочь...
— О, приказывайте!

СТРАШНЫЙ КАБИНЕТЪ.

Дневникъ Пули.

Нашъ ц. к. состоитъ изъ четырехъ отборнѣйшихъ, испытаннѣйшихъ работниковъ.

Члены цеха: я, товарищъ Алексѣй (былъ на картонѣ, бѣжалъ), Иванъ Антоновичъ (приговоренъ къ смертной казни бѣжалъ) и товарищъ Маша (бѣжала).

Кто-же изъ моихъ товарищей провокаторъ?

Справедливость требуетъ сказать, что провокацій еще не было. Но развѣ возможенъ въ наше подлое время цеха безъ провокатора?

Я чувствую, что между нами есть предатель. Чувствую, что не сегодня—завтра будетъ провалъ. Потомъ скандалъ...

Какъ предотвратить это все? Какъ узнать имя предателя?

Одинъ, кажется, есть способъ... Рисканный, но вѣрный способъ. Надо самому поступить въ охранку...

Узнаю имя предателя и уйду изъ охранки. Такъ надо... Для дѣла... Для партіи...

Рѣшено!..

* * *

Дневникъ товарища Алексѣя.

...За нами слѣдятъ. Кто выдалъ? Товарищи всѣ, кажется, надежные. А предатель все-таки есть. Это я чувствую.

Но кто? Пуля? Вотъ это былъ-бы номеръ!

За голову Пули десять тысячъ даютъ. Да, этого не купишь!

Но кто-же? Иванъ Антоновичъ? Маша? Пустяки! Не изъ такого тѣста сдѣланы...

Одинъ есть путь, чтобы сорвать маску съ предателя.

Одинъ путь для обнаруженія истины—путь въ охранку...

Подожди, гнусный предатель! Я узнаю твое имя! Съ какимъ наслажденіемъ я вонжу ножъ въ твое подлое сердце...

Не улизнешь, Иуда!..

* * *

Дневникъ Ивана Антоновича.

...Пуля арестованъ!

Кто и за сколько серебрянниковъ продалъ тебя, дорогой товарищъ!

Долго искали тебя враги твои, но твоя безумная смѣлость, твой гениальный умъ спасали тебя.

Я знаю, теперь не спасишь тебѣ.

Я знаю, что крѣпки затворы, многочисленна стража и неумолимы враги твои.

Слабы мои силы, чтобы разбить стѣны твоей тюрьмы, но я достаточно силенъ, чтобы отомстить тому, кто продалъ тебя.

Я узнаю его имя!

Я все принесу въ жертву, чтобы узнать его. Жизнь отдамъ. Да что жизнь! Честь отдамъ!

Да честь... Въ охранку поступлю... Самъ притворюсь предателемъ. Но имя твоего предателя обнаружу.

И горе ему! Не пощажу никого!

Иди спокойно навстрѣчу твоей судьбѣ, дорогой товарищъ Пуля! Твой мститель не дремлетъ.

* * *

Дневникъ Маши.

Пулю арестовали и выпустили... Пулю?! Выпустили?!

Моя голова ходитъ кругомъ... Такихъ преступниковъ даромъ не выпускаютъ... Это не просто...

Неужели, Пуля?! Нѣтъ, этого быть не можетъ...

Но почему-же выпустили?!

Товарищъ Алексѣй даетъ уклончивые отвѣты. Иванъ Антоновичъ все молчитъ. Странно...

А что, если Пуля въ самомъ дѣлѣ...

Это надо провѣрить... Обязательно провѣрить, даже, если-бы для этого пришлось поступить въ охранку.

Впрочемъ, это, кажется, единственный вѣрный путь.

* * *

Дневникъ Пули.

При охрѣнкѣ намъ отвели отдѣльную комнату, гдѣ время отъ времени мы устраиваемъ наши засѣданія.

Составъ комитета тотъ-же: я, товарищъ Алексѣй (выдалъ пять типографій), Иванъ Антоновичъ (выдалъ конспиративную квартиру) и товарищъ Маша (выдала собраніе).

Народъ надежный, но сердцемъ чую, что среди насъ есть провокаторъ и что не сегодня—завтра все узнаетъ Бурцевъ.

Какъ предотвратить это?

Одинъ, кажется, есть способъ—войти въ довѣріе къ Бурцеву.

Но какъ? Развѣ сообщить ему о комъ-нибудь изъ насъ?... Способъ рискованный, но вѣрный.

Смѣлость города беретъ... Рѣшено.

* * *

Дневникъ товарища Алексѣя.

О насъ узналъ Бурцевъ... Какимъ образомъ?

Кто предалъ?

Такъ оставить этого нельзя...

Необходимо узнать имя предателя. Но какъ?

Одинъ есть путь—войти въ довѣріе къ Бурцеву...

Дневникъ повторяется съ поразительной точностью. Жизнь, вѣдь, такъ однообразна...

О. Л. Д'Орь.

ВЪ ЧЕМЪ ДѢЛО?

„Гродненскій губернаторъ не разрѣшилъ поэту Яффе прочитать лекцію о Палестинѣ“.

(Правда).

Прочитавши вѣсть объ этомъ, Я въ душѣ почувалъ бунтъ: Палестина подъ запретомъ! Па-ле-сти-на!! Вотъ такъ фунтъ! Но остывъ, я понялъ нынѣ, Что невѣренъ былъ мой путь; Дѣло тутъ—не въ Палестинѣ, Дѣло—въ Гродно!.. Вотъ въ чемъ суть!

Джо.

Ея дорогой мужъ лежалъ въ пропасти... (См. стр. 14-ю).

Рис. А. Радакова.

Странный мы народъ, Русскіе... Нигдѣ зубочистка не распространена такъ сильно, какъ у насъ...

все таки, нигдѣ не встрѣчаешь столько людсй, нечистыхъ на руку, какъ у насъ.

Заботясь о чистотѣ не только внѣшнихъ покрововъ, но и внутреннихъ частей тѣла—мы перемываемъ даже косточки.

И странно, что, хотя у насъ чаще, чѣмъ нужно, умываютъ руки во всѣхъ водахъ—Невскихъ, Амурскихъ, Ленскихъ и т. д...—

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Бѣлая ворона.

Телеграмма изъ Кіева:

Устраненъ отъ должности околоточный надзиратель Коценчукъ, написавшій въ рапортѣ по поводу обнаруженія не разрѣшенной школы: „больше бы школъ, — не было бы хулигановъ“.

Конечно, рассуждать околоточнымъ нельзя, но если ужъ рассуждать, то такъ: „эхъ, эхъ, поменьше бы школъ — больше было бы тогда хулиганства“.

Эхъ, не догадался бѣдный Коценчукъ высказать свою статистическую мысль этими словами.

Поставимъ же, читатели, Коценчуку памятникъ въ сердцѣ своемъ.

Язычники.

Изъ Кіева телеграфируютъ, что —

Сегодня утромъ полиція, по распоряженію канцеляріи генераль-губернатора, отбирала подписи отъ служащихъ выставки, экспонентовъ, содержателей ресторана, кофеенъ и пивныхъ—съ обязательствомъ не говорить съ публикой на польскомъ языкѣ. Нѣкоторые экспоненты отказались дать такія подписи.

Раньше говорили:

— Языкъ до Кіева доведеть.

Теперь добавляють:

— И выведеть изъ Кіева!

Особенно, если этотъ языкъ поперекъ горла становится.

По Фребелю.

Въ с. Большомъ, Углич. у. происходилъ экзамень. На этотъ экзамень явился земскій начальникъ г. Литвинъ который приступилъ къ „допросу“ учениковъ въ такомъ стилѣ:

— Что такое ариѳметика? Видѣлъ ариѳметику? Что такое это за штука. Что такое число? Домъ будетъ числомъ? Когда домъ будетъ числомъ?

Нельзя сказать, чтобы г. Литвинъ былъ педагогъ въ футлярѣ... Вопросы, предлагаемые имъ, свѣжи, оригинальны и производять большое впечатлѣніе:

— Что такое геометрія? Можетъ она кушать овесъ? Твоя мать можетъ быть геометріей? Если геометріи отрѣзать голову, можетъ она бѣгать по крышамъ? Что такое твой экзаменаторъ, который сейчасъ тебя спрашиваетъ? Похожъ онъ на существо съ длинными ушами? Можетъ ли онъ бить задомъ?

И получивъ на все это утвердительные отвѣты насытитъ педагогъ свой пытливый умъ.

Бараній рогъ.

Въ одномъ изъ селеній Полтавской губерніи, во время проѣзда губернатора Багговута, два крестьянина стали протестовать противъ неправильной разверстки земли. Губернаторъ, узнавъ объ этомъ, былъ страшно возмущенъ и выбросилъ изъ автомобиля уже принятую имъ хлѣбъ-соль отъ крестьянъ со словами: „согну въ бараній рогъ, бунтовщики“.

Всегда такъ было—что физическій трудъ г.г. губернаторовъ ограничивался изготовленіемъ роговыхъ издѣлій изъ крайне податливаго матеріала—въ вѣреннаго имъ населенія.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Просимъ всю корреспонденцію, какъ редакціонную такъ и конторскую — направлять по адресу:

СПБ. Невскій, 98, „Новый Сатириконъ“.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

За истекшія двѣ недѣли редакція „Нов. Сат.“ получила очень много поздравленій, привѣтствій и добрыхъ пожеланій.

Не имѣя возможности поблагодарить каждаго изъ нашихъ корреспондентовъ въ отдѣльности, — редакція приноситъ всѣмъ, вообще, самую искреннюю благодарность за теплое отношеніе къ нашему начинанію.

Эта поддержка для насъ драгоценна.

Редакція.

Письмо въ редакцію:

Редакторомъ журнала „Нов. Сатириконъ“ получено слѣдующее письмо:

Присоединяюсь къ группѣ ушедшихъ изъ „Сатирикона“; прошу считать меня сотрудникомъ Вашего журнала.

Письмо объ уходѣ изъ „Сатирикона“ послано мною г-ну Корнфельду.

Левъ Бакстъ.

Paris, B-d Malesherbes, 19/VI.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

Знаменск., П. — Дебову. — У Дебова свое собственное представленіе объ іезуитахъ:

— „Миша Перышкинъ былъ настоящій іезуитъ: воровалъ у товарищей перья, списывалъ задачи и заводилъ драки на большихъ переѣздахъ“.

Въ этой плоскости можно дѣлать еще большія сравненія: „Редакторъ „Нов. Сатирикона“ былъ настоящимъ алкоголикомъ: писалъ рассказы, бросалъ въ корзину присылаемыя ему неудачныя сочиненія и жилъ на улицѣ Гоголя“.

Ропшинская ул. — Н. О. П — ву.

Когда моя жена въ Крыму катается —
У меня сердце сжимается,
Потому что она съ татарами встрѣчается
И съ ними катается.

Стихи очень хороши, но мы считаемъ не совсѣмъ удобнымъ опубликовывать такія интимныя душевныя переживанія.

Москалеву. — Здѣсь, № 17. — ... „Къ нему вышелъ конторщикъ банка, въ ухѣ котораго торчало перо“... „

Ни въ ухѣ конторщика, ни въ ухѣ банка перо торчатъ не можетъ. Это некрасиво, негигиенично, больно и неправдоподобно.

Разсказъ прочли. Наше мнѣніе: не берите больше пера въ руки. Пусть лучше торчитъ въ ухѣ.

Горсткіна. — Н. А. А — фу. — „Катафалка“ не пишутъ. Катафалка — существительное мужского рода, независимо отъ пола перевозимаго лица.

Б. Провинція.

Минскъ. — Овечкину. — „Дрянъ“ и „чемоданъ“ не риема. Въ богатыхъ гостиныхъ „роскошные письменные столы чернаго дерева“ не ставятся. Чтобы описывать свѣтскіе салоны — мало наблюдений, вынесенныхъ изъ салоновъ для стрижки и бритья.

Одесса. — Н. Топузу. — Спасибо. Присылайте еще.

Въ простр. — Н. Зяблову. — „За свои стихи хотѣлъ бы получить, кромѣ славы, и монетныя единицы“... „

Просто единицу... Хотите?

Одесса. — Чигиринцу — Такъ описанъ Чигиринцемъ балъ:

... Скрипка вдали замираетъ,
Мнѣ дама вѣромъ махаетъ.

Пусть лучше Чигиринецъ землю пахаетъ, чѣмъ стихи пишетъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

„Аркадій“

САВЕРЧЕНКО

Чернышъ
... по ...
обложку.

Складъ изданія „ЗЕМЛЯ“, Невскій, 55.

Продолжается подписка на 1913 г. на большую новую ежедневную, политическую, прогрессивную, безпартійную газету,

„РУССКАЯ МОЛВА“

Газета ставитъ своей задачей служить борьбѣ за право и культуру, за осуществленіе стремленій прогрессивной и демократической Россіи. Въ странѣ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, совершается непрерывный политическій, экономическій и культурный ростъ. Отразить въ себѣ это неуклонное и несомнѣнное расширеніе жизни, дать ему правильное истолкованіе — вотъ главная задача новой газеты. Общегосударственная жизнь и постоянный культурный обменъ уже объединили неразрывной духовной связью разноразличные народности, входящія въ составъ государства. Принимаясь за новое дѣло, редакція надѣется, что найдетъ и сочувствіе, и откликъ, и живую поддержку въ тѣхъ, кто можетъ и хочетъ раздѣлять ея стремленія.

Богатство справочнаго матеріала. Широкая освѣдомленность.

Ежедневно въ справочномъ отдѣлѣ будетъ помѣщаться по возможности полный перечень новыхъ книгъ по вопросамъ спеціальнымъ и общественно-литературнымъ.

Въ газетѣ были помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ:

кн. З. Д. Авалова, священ. К. М. Агеева, С. А. Адрианова, чл. Гос. Думы А. М. Александрова, С. Я. Арефина, К. К. Арсеньева, А. А. Блока, Р. Бодуэнъ де Куртене, Ив. Бунина, Юліи Вейсбергъ, чл. Гос. Думы Л. А. Велихова, Вережкина (Пекинъ), Н. М. Волковскаго, Юрія Верховскаго, чл. Гос. Думы П. В. Герасимова, М. О. Горшензона, С. Городецкаго, В. И. Грантъ (Парижъ), В. С. Григорьева, проф. Д. Д. Гримма, проф. Э. Д. Гримма, чл. Гос. Думы П. П. Гронскаго, П. К. Губера, Любови Гуревичъ, В. Ф. Гефдингса, В. Динзе, Н. Ф. Езерскаго, А. К. Елачина, чл. Гос. Думы И. Н. Ефремова, И. В. Жилкина, З. Н. Журавскій, Бориса Зайцева, Е. А. Зноско-Боровскаго, А. П. Иванова, Ф. Капелюша (Вѣна), проф. А. А. Кауфмана, проф. Максима Ковалевскаго, К. и О. Ковалевскихъ, проф. С. А. Котлярскаго, О. Я. Ларина, Б. Лебедева (Лондонъ), И. О. Левина, кн. Г. Е. Львова, чл. Г. Д. Н. Н. Львова, проф. П. И. Люблинскаго, чл. Г. Д. В. А. Махлакова, чл. Г. Д. М. М. Новикова, В. П. Обнинскаго, Н. А. Окунскаго, Б. С. Оръчкіна, В. Д. Плетнева, проф. А. Е. Приснякова, Д. Д. Протопопова, А. М. Ремизова, Н. Н. Римской-Корсаковой, А. Н. Римскаго-Корсакова, Руфина (Константинополь), А. Н. фонъ-Рутцена, А. М. Рыкачева, Бориса Садовскаго, А. П. Семенова-Тяншанскаго, М. А. Славинскаго, проф. С. И. Созонова, А. А. Стаховича, Любови Столицы, П. Б. Струве, В. С. Стровой, кн. Евг. Трубецкаго, А. В. Тырновой (Вергезскій), И. Федорова (Брюссель), Е. А. Флейшицъ, С. Л. Франка, чл. Гос. Думы М. В. Челмокова, А. Чернаго (Саша Чернаго), И. М. Черногоорова (Берлинъ), В. Ф. Шимарева, Г. Н. Штільмана, К. М. Шумскаго, Justus (Собіа), Ва. Юнгера, С. П. Яремича, проф. Л. Яснопольскаго и мн. др.

Подписная цѣна съ доставкой:

на 12 м. — 9 р., на 6 м. — 5 р., на 3 м. — 2 р. 75 к., на 1 м. — 1 р. При подпискѣ на годъ съ 1-го января допускается разсрочка: при подпискѣ — 4 руб., къ 1-му апрѣля — 3 руб., и къ 1-му августа — 2 руб.

Для сельскихъ учителей и священниковъ, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ Главную Контору подписная цѣна понижена: на 12 м. — 7 р. 20 к., на 6 м. — 4 р., на 3 м. — 2 р. 25 к., на 1 м. — 80 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 р. 20 к., къ 1-му апрѣля — 2 р. 50 к. и къ 1-му августа — 1 р. 50 к.

Пробный номеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ Главной Конторы: С.П.Б., Троицкая ул., д. 15—17. Тел. 12: 54.

Адресъ редакціи: С.П.Б., Троицкая, 15—17. Тел. 121 44.

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, Русмолва.

КОНФЛИКТЪ САТИРИКОНЦЕВЪ СЪ ИЗДАТЕЛЕМЪ М. Г. КОРН- ФЕЛЬДОМЪ И РЕЗУЛЬТАТЫ СУДА ЧЕСТИ.

Только теперь, послѣ суда чести, мы имѣемъ возможность освѣтить всю исторію конфликта между М. Г. Корнфельдомъ и сатириконцами.

До сихъ поръ, мы были лишены возможности сдѣлать это, и наше вынужденное молчаніе дало поводъ нѣкоторымъ газетамъ толковать происшедшее вкривь и вкось, тѣмъ болѣе, что г. Корнфельдъ, передавъ дѣло на разсмотрѣніе суда чести, въ то же самое время счелъ допустимымъ, не дожидаясь рѣшенія суда, инсинуировать въ принадлежащемъ ему органѣ и бросать тѣнь на насъ и на нашихъ товарищей.

Многія газеты воспользовались этимъ одностороннимъ сомнительной чистоты матеріаломъ и, базирясь на немъ, неосторожно построили противъ насъ обвиненіе въ томъ, что „мы покушались на личное имущество бѣднаго издателя“.

Дѣло же съ бѣднымъ издателемъ обстояло такъ: когда онъ въ мартѣ с. г. скрылся изъ Петербурга, не поставивъ даже объ этомъ въ извѣстность редакторовъ, не оставивъ даже своего адреса для дѣловой корреспонденціи (по словамъ однихъ родственниковъ бѣднаго издателя онъ уѣхалъ въ Алупку, по словамъ другихъ—въ Финляндію)—въ дѣлѣ создалась такая тяжелая невозможная атмосфера—что спокойная работа сдѣлалась совершенно немисливой.

Письмомъ отъ 4 мая редакторъ „Сатирикона“ А. Т. Аверченко официально отказался отъ редактированія журнала, мотивируя свой отказъ совершенно недопустимыми условиями, которыя создалъ г. Корнфельдъ для работы въ журналѣ. При этомъ, въ письмѣ о матеріальныхъ расчетахъ не говорилось ни слова.

Отказъ былъ мотивированъ только нарушеніемъ этическихъ, бытовыхъ и художественныхъ условий, безъ которыхъ редактированіе журнала становилось немислимымъ.

Узнавъ объ отказѣ А. Т. Аверченко отъ редактированія журнала, сотрудники А. Радаковъ и Ре-ми созвали экстренное собраніе всѣхъ сотрудниковъ членовъ коллектива „Сатирикона“.

На разрѣшеніе собранія были представлены два вопроса:

- 1) Имѣлъ-ли г. Аверченко достаточныя основанія для отказа отъ редактированія журнала?
- 2) Если имѣлъ основанія, то какъ должны реагировать на это всѣ другіе сотрудники-члены коллектива.

Выслушавъ личныя объясненія г. Аверченко съ одной стороны и письменныя г. Корнфельда, отказавшагося явиться лично, несмотря на приглашеніе—съ другой—сотрудники единогласно отвѣтили:

По первому вопросу—„Да, Аверченко имѣлъ основаніе отказаться, ввиду создавшихся въ издательствѣ невозможныхъ для работы условий“.

По второму вопросу (какъ сотрудникамъ реагировать на это?):—„Отказаться отъ дальнѣйшей работы съ М. Г. Корнфельдомъ, выйти изъ состава сотрудниковъ „Сатирикона“, доведя объ этомъ черезъ газеты до свѣдѣнія читателей“.

Послѣ этого рѣшенія, г-жа Н. А. Тэффи внесла предложеніе примирительнаго характера:

— На какихъ условіяхъ г. Аверченко могъ бы взять обратно свой отказъ и приступить къ дальнѣйшему редактированію „Сатирикона“?

На этотъ вопросъ г. Аверченко отвѣтилъ, что едва ли г. Корнфельдъ согласится на тотъ шагъ, который, по мнѣнію Аверченко, можетъ быть единственно спасительнымъ для „Сатирикона“. Именно: необходимо перенести журналъ въ болѣе здоровыя условія, устранивъ отъ завѣдыванія дѣломъ тѣхъ лицъ, которыя ведутъ все предпріятіе къ печальному концу. Тутъ же г. Аверченко указалъ, что едва ли г. Корнфельдъ согласится на это предложеніе, т. к. его рѣшенія уже зависятъ не отъ него лично, а отъ воли его кредиторовъ.

Несмотря на это указаніе, собраніе все же рѣшило исчерпать до конца всѣ примирительныя возможности и постановило предложить г. Корнфельду реорганизовать „Сатириконъ“ на новыхъ, болѣе нормальныхъ, здоровыхъ началахъ.

При выработкѣ условій реорганизации, г.г. Аверченко, А. Радаковъ и Ре-ми напомнили собранію, что они, по нотаріальному договору съ г. Корнфельдомъ, имѣютъ 50% чистой прибыли отъ „Сатирикона“, и указали на то, что этотъ пунктъ нужно оставить безъ измѣненій, дабы г. Корнфельдъ не усмотрѣлъ въ предложеніи сатириконцевъ корыстныхъ побужденій.

Въ этомъ духѣ и было составлено предложеніе. Указывалось на необходимость организациі новой конторы, приглашенія новаго управляющаго, договорныя же отношенія съ сатириконцами должны остаться прежнія—на условіяхъ полученія сатириконцами 50% прибыли (нотаріальн. договоръ отъ 26 мая 1911 г.).

Предложеніе это было послано г. Корнфельду за подписью пяти уполномоченныхъ членовъ коллектива... и отсюда начался цѣлый рядъ невозможныхъ, совершенно недопустимыхъ поступковъ г. Корнфельда.

1) На наше предложеніе мы никакого отвѣта не получили. Въмѣсто этого, въ газетахъ появилось письмо г. Корнфельда явно недобросовѣстнаго, извращающаго наше предложеніе, характера, а именно:

„Не откажите дать мѣсто на страницахъ вашей уважаемой газеты слѣдующему моему заявленію.“

Представители сотрудниковъ издаваемого мною журнала „Сатириконъ“ прислали мнѣ сегодня заявленіе, въ которомъ предлагаютъ мнѣ отказаться какъ въ ихъ пользу, такъ и въ пользу неизвѣстныхъ мнѣ третьихъ лицъ, отъ принадлежащихъ мнѣ правъ собственности и отъ части моего имущества. (?)

Предложеніе носить характеръ ультимативнаго требованія и, какъ видно изъ сообщенной мнѣ предсѣдателемъ собранія выписки протокола собранія сотрудниковъ „Сатирикона“, сопровождается угрозой немедленнаго коллективнаго выхода изъ состава сотрудниковъ издаваемого мною журнала.

— Ну, Жоржъ! Еще одно маленькое усиліе и мой мужъ спасенъ. Воображаю, какъ онъ будетъ мнѣ благодаренъ!..

Считая подобныя требованія подъ угрозой неслыханными въ исторіи отношеній между редакціей и издателемъ, какъ съ точки зрѣнія общей этики, такъ и добрыхъ литературныхъ нравовъ, я настоящимъ письмомъ передаю на обсужденіе суда чести при Всероссийскомъ литературномъ обществѣ весь кругъ взаимоотношеній между мною, какъ издателемъ „Сатирикона“, и г.г. А. Т. Аверченко, А. А. Радаковымъ, Н. В. Ремизовымъ, какъ матеріально заинтересованными лицами.

Издатель журнала „Сатириконъ“

М. Корнфельдъ.

Пусть сопоставятъ читатели характеръ нашего предложенія и тотъ характеръ, который придавалъ своему письму г. Корнфельдъ. На какую часть имущества г. Корнфельда мы покушались, если оставляли себѣ тѣ же 50%, которые уже имѣли по нотаріальному договору? Неужели г. Корнфельдъ не покраснѣлъ, сочиняя эту часть своего письма, и имѣя въ карманѣ нашъ нотаріальный съ нимъ договоръ на это, какъ онъ говоритъ „неслыханное требованіе?..“ Почему онъ скрылъ въ своемъ письмѣ тотъ весьма яркій фактъ, что мы въ свою пользу ничего новаго отъ него не требовали?

Болѣе всего насъ огорчаетъ позиція нѣкоторыхъ газетъ, которыя на основаніи только этого письма г. Корнфельда, обвинили насъ въ „покушеніи на личное имущество бѣднаго издателя“.

2) До ухода сотрудниковъ изъ журнала, г.г. Аверченко, Радаковъ и Ре-ми предлагали г. Корнфельду судъ чести или третейскій судъ. Отъ того и другого онъ отказался, заявивъ, что ни при какихъ условіяхъ этого предложенія не приметъ. Почему же черезъ недѣлю онъ послѣдилъ самъ насъ вызвать? Не потому ли, что на сторонѣ истца всегда больше симпатій печати и общества?

3) Послѣ нашего согласія на судъ чести, г. Корнфельдъ не удержался въ рамкахъ элементарнаго приличія, и въ своемъ Сатириконѣ, въ статьѣ „Pro domo sua“—сталъ сводить съ ними личные счеы и порочить отказавшихся съ нимъ работать лицъ.

4) Послѣ того, какъ судъ чести приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла, г. Корнфельдъ въ своемъ „Сатириконѣ“ помѣстилъ такой рисунокъ, направленный противъ чести его противниковъ, что нѣкоторые изъ судей, разсмотрѣвъ его, нашли поступокъ г. Корнфельда совершенно неслыханнымъ, невѣроятнымъ въ литературномъ мірѣ, нарушающимъ самыя элементарныя приличія. Растерявшійся отъ такой суровой критики его веселаго поступка, г. Корнфельдъ указалъ, что Сатириконцы тоже выпустили журналъ и что въ этомъ журналѣ они его тоже задѣваютъ.

На это г. Аверченко далъ слѣдующія объясненія:

а) Первый рисунокъ въ ихъ журналѣ—отъѣздъ сатириконцевъ на новое мѣсто—никакимъ образомъ не задѣваетъ г. Корнфельда.

б) Статья „отъ редакціи“ носитъ характеръ обычной вступительной статьи въ первомъ номерѣ новаго изданія и лично къ г. Корнфельду не имѣетъ никакого отношенія.

в) Рисунокъ „Какъ Аверченко и Ре-ми не позволяли Радакову рисовать карикатуры на ихъ бывшаго издателя“—уже однимъ своимъ заглавіемъ исключаетъ наличность нападокъ на г. Корнфельда.

И, наконецъ—г) Отвѣтъ Сатириконцевъ на статью г. Корнфельда „Pro domo sua“...—Въ этомъ случаѣ г. Аверченко призналъ наличность нарушенія принципа неприкосновенности противника до рѣшенія суда чести, но тутъ же подчеркнул въ самой категорической формѣ, что вся редакціонная статья—вынужденный отвѣтъ на безцеремонное обращеніе г. Корнфельда съ элементарными правилами суда чести, воспрепятствующими дѣлать противникамъ личныя выпады другъ противъ друга.

Г. Набоковъ—одинъ изъ судей—возразилъ:

— О безцеремонномъ поступкѣ г. Корнфельда нужно было довести до свѣдѣнія суда чести, а не полемизировать съ нимъ печатно.

Г. Аверченко согласился съ этимъ, но тутъ же указалъ на то, что послѣдняя статья въ „Нов. Сатириконѣ“ была вынужденной—потому что недобросовѣстные выпады г. Корнфельда, оставаясь безъ отвѣта, могли породить въ умахъ читателей и въ печати отрицательное отношеніе къ сотрудникамъ „Сатирикона“—что уже и имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ органахъ печати.

При этомъ, г. Аверченко подчеркнул, что хронологически правила суда чести нарушены все-таки г. Корнфельдомъ и что статья въ „Сатириконѣ“—слѣдствіе этого нарушенія.

Судъ призналъ, что при такихъ условіяхъ разсмотрѣніе дѣла является излишнимъ и все производство по дѣлу—постановилъ прекратить...

Мотивированное рѣшеніе суда чести извѣстно изъ газетъ.

Очень сожалѣемъ, что судъ чести долженъ былъ приостановиться въ самомъ началѣ, лишивъ насъ возможности во всей полнотѣ освѣтить наши съ г. Корнфельдомъ взаимоотношенія.

Въ заключеніе мы обращаемся съ товарищеской просьбой къ нѣкоторымъ газетамъ („Пряз. Край“, „Харьк. Утро“, „Южн. Край“ и др.), помѣстившимъ односторонній свѣдѣній о причинахъ нашего ухода изъ „Сатирикона“—исправить эти свѣдѣнія на основаніи приведеннаго вначалѣ этой статьи фактическаго матеріала.

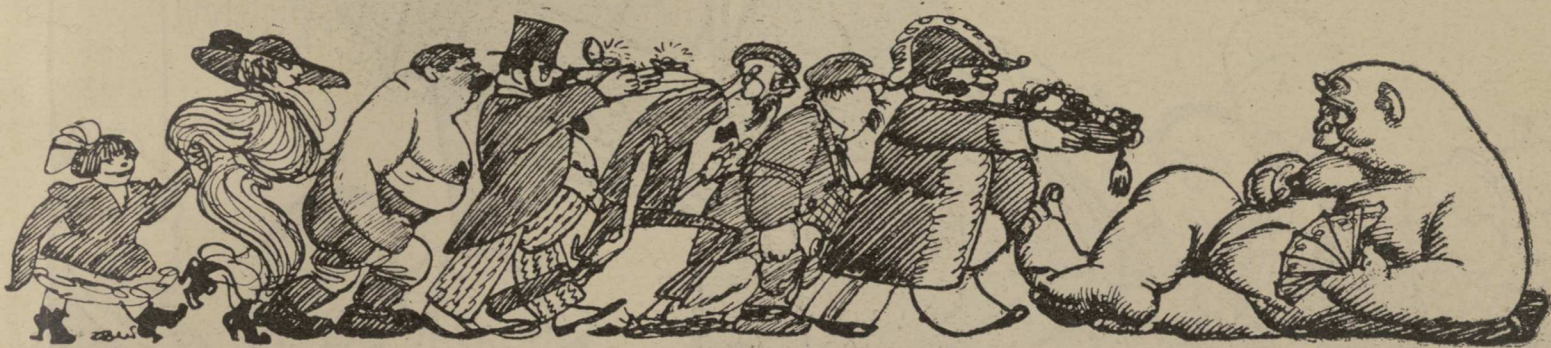

ГОТОВИТСЯ КЪ ВЫХОДУ ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ТОМА ОПИСКИНЪ

=== СОРНЫЯ ТРАВЫ ===

Съ портретомъ автора и предисловіемъ АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО.

Открыта подписка на 2-ое полугодіе

на журналъ

Новый Сатириконъ

еженедѣльное изданіе.

Въ годъ 52 №№ еженедѣльнаго литературно-художественнаго, богато иллюстрированнаго журнала Сатиры и Юмора. Нѣкоторые №№ печатаются въ ДЕВЯТЬ красокъ.

Журналъ выходитъ при ближайшемъ участіи Аркадія Аверченко, А. Радакова, Н. В. Ремизова (Ре-ми), А. Юнгера и А. Яковлева, а также при участіи всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

Издатель — Т-во „Новый Сатириконъ“ въ лицѣ представителя А. Т. Аверченко.
Редакторъ Аркадій Аверченко.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Будучи принципиальными врагами всякой трескучей рекламы, мы и на этотъ разъ хотѣли бы удержаться въ рамкахъ строгой литературности, несмотря на то, что цѣль настоящаго объявленія—опредѣленная: подстрекнуть нашихъ читателей на присылку подписныхъ денегъ за нашъ журналъ (2-е полугодіе).

Но... разъ литературность—мы должны быть скромны.

Позволимъ себѣ только привести лестное мнѣніе о подпискѣ на нашъ журналъ—такого авторитета, какъ Грибоѣдовъ (слова Фамусова):

— Подписано и съ плечъ долой.

Авторъ этими словами ясно подчеркнулъ преимущественное положеніе подписчиковъ передъ розничными читателями, жизнь которыхъ полна хлопотъ.

Подписная цѣна: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 коп., полгода 3 руб. 25 коп. Цѣна № въ розничной продажѣ 15 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій, 98.

КУМИРЫ.

Почитатели: — Да не бойтесь же, чертъ возьми! Карабкайтесь поживѣе на пьедесталъ!
Джекъ Лондонъ: — Позвольте, но тутъ написаны какія-то другія фамиліи... Одна даже не зачеркнута?!
— Плевое дѣло! Сей минуту зачеркнемъ — вашу поставимъ!